

АНТИСОВЕТСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПЕРАТИВНЫХ ДАННЫХ ОГПУ ДВК)

Вадим Александрович ИВАЩЕНКО,
старший преподаватель Тихооке-
анского государственного универ-
ситета

Антисоветская настроенность населения Дальнего Востока в 1920-е годы являлась одной из важнейших проблем для советских органов госбезопасности. Подобные настроения значительной части населения расценивались как крайне опасные для стабильного развития региона в условиях сложной международной обстановки (напряженные отношения с Китаем, агрессивные устремления Японии, разрыв отношений с Англией в 1927 г. и т.п.) и трудностей восстановления экономики ДВК после гражданской войны.

Методы борьбы с интервентами и белогвардейцами на Дальнем Востоке в некоторой степени отличались от применявшихся в других регионах России. Широкомасштабных фронтовых сражений (за исключением последнего этапа войны) здесь не было. Военные действия в основном носили характер партизанской войны. Большая часть населения края принимала либо непосредственное, либо опосредованное участие в вооруженной борьбе¹, многие имели огнестрельное оружие или умели обращаться с ним². Тем самым создавался «потенциально опасный» социальный слой для сталинской командно-административной системы управления в 1930-х годах.

Социалистические преобразования на Дальнем Востоке стали претворяться в жизнь только с 1923 г., т.е. население этого региона не испытало на себе политику «военного коммунизма» — жесткую карточную систему, продовольственную разверстку и т.п. Поэтому введение единого сельскохозяйственного налога было встречено крестьянством и казачеством крайне враждебно. В 1920-е годы сложилось довольно сильное противостояние власти со стороны местного населения. Эту ситуацию четко характеризует «Сводка политнастроений населения Дальневосточного края», составленная Полномочным представительством ОГПУ по ДВК для Далькрайкома ВКП(б) в 1927 г.³ (далее «Сводка...». — **В.И.**).

Несмотря на то, что многие одобряли карательную политику, направленную против контрреволюционных элементов, а также готовность населения ДВК защищать советскую власть, в сводках органов государственной безопасности отмечается массовость негативных настроений.

Оперативные данные ПП ОГПУ ДВК дают представление о характере протестных и антигосударственных настроений на Дальнем Востоке. При этом особое внимание уделялось отношению населения к возможному вторжению капиталистических государств на территорию Советского Союза, поскольку в этот период обострилась международная ситуация (разрыв отношений с Англией, напряженность во взаимоотношениях с Китаем, Японией и т.д.).

Тревогу вызывали и негативные настроения среди рабочих, которые в своем большинстве были неквалифицированными, но все-таки являлись социальной

опорой. В рабочей среде наблюдалось категорическое нежелание воевать с капиталистами, пораженчество, случались и антисоветские выпады, вызванные тяжелейшим экономическим положением. В качестве примера приводятся настроения рабочих Кивдинских каменноугольных копей.

В архивных материалах сохранилось несколько высказываний по поводу международных событий. Так, забойщик Жилинский заявил: «Все это хорошо только говорят, а случись что, так кого в первую очередь потянут. Нас — рабочих, мол, вы сознательные. А как мы живем? Да, в тысячу раз хуже. Разве так можно жить, как сейчас: в завалюхах, в сырых помещениях. Вот наша администрация знает это, а ничего не предпринимает. Живем хуже скотины. Какие тут могут быть разговоры о войне или еще о чем-то. Нужно... улучшить положение своих рабочих, а не лезть, куда не следует, ведь от этого и получаются осложнения, а они нам надоели. Наше дело — как следует шахту кайлить, вот и вся война, она нам нехати»⁴. Всего было отмечено шесть подобных выступлений. Социальное положение дальневосточных рабочих на рубеже 1920—1930-х годов в ряде округов (в частности во Владивостокском) было крайне тяжелым. Полномочное представительство ОГПУ по ДВК систематически ставило в известность ИНФО ОГПУ в Москве о регулярных невыплатах и задержках зарплат и, как следствие, о массовых забастовках дальневосточных рабочих⁵. Справедливости ради следует отметить, что антисоветские настроения в рабочей среде не преобладали и негативного влияния на трудящихся не оказывали.

Огромное значение для большевистской партии и ОГПУ имели настроения крестьянства, преобладающего социального сегмента в дальневосточном регионе. На Дальнем Востоке крестьян не коснулась политика продразверстки, а потому общая атмосфера была более свободной, чем в центральной части России, ощущались серьезная напряженность и противостояние тружеников села советской власти.

Недовольство крестьянства переросло в организованное повстанческое движение, причиной стали грубейшие нарушения законности, злоупотребления нарождавшейся бюрократии, ошибки малоопытной администрации и т.д. В первой половине 1920-х годов на Дальнем Востоке отмечен ряд выступлений против новых отношений в деревне, устанавливаемых советской властью (восстания против разоружения партизанских отрядов, москвитинское выступление 1922 г.). Самым большим выступлением на Дальнем Востоке было Зазейское восстание 1924 г.

После подавления крестьянских повстанческих движений и снижения политического бандитизма деревня несколько успокоилась, но оставалась сложной социально-психологической атмосферой. В села вернулись демобилизованные красноармейцы, бывшие солдаты белых армий, амнистированные участники мятежей. Победители и побежденные оказывались зачастую соседями или родственниками. С середины 1920-х годов в деревне снова стало нарастать возмущение политикой власти, выражавшееся иногда бойкотом выборов в местные Советы. Начались репрессии при сборе налога. За несвоевременный взнос сельхозналога проводились аресты, отбирались скот и остатки зерна. Новая волна недовольства крестьян поднялась на рубеже 1920—1930-х годов, когда проводилась массовая коллективизация сельского хозяйства со всеми ее перегибами. Уже в 1929 г. на селе было ликвидировано

7024 «контрреволюционных» организаций и групп, арестовано 47 564 «участника», под стражу взяли еще 43 623 «активных одиночек»⁶.

Исходя из этого, большевистская власть и органы ОГПУ должны были очень настороженно относиться к протестам крестьян. Сельскохозяйственные районы Дальнего Востока в 1920—1930-е годы имели особую специфику, обусловленную близостью границы и возможностью практически свободного ее пересечения, а также тем, что около 80% населения Дальнего Востока было занято в сельском хозяйстве и в рыбном промысле. «Сводка политнастроений...» позволяет определить отношение крестьянства к советскому режиму.

Зажиточные крестьяне и кулачество наиболее враждебно относились к советской власти, это проявлялось в антисоветских и антикоммунистических настроениях. Оперативные данные свидетельствовали, что эта социальная группа надеялась «...скоро будет война, и Советское правительство существовать не будет». Известия о напряженной международной обстановке, о разрыве англо-советских отношений воспринимались зажиточными крестьянами и кулаками с большим удовлетворением и послужили серьезной основой для «всевозможных провокационных версий и антисоагитаций» с целью повлиять на общественное мнение в дальневосточной деревне.

Так, в с. Елизаветине Титовского района Читинского округа кулак Гаврилин запугивал бедняков и середняков, заявляя: «Скоро будет война, даже обязательно должна быть. Скоро вернется атаман Семенов из Японии и все партизаны хотят примкнуть к Семенову против коммунистов за настоящую демократическую власть, когда все могут избирать и быть избранными. Зачем лишать голоса, если человек хочет выбирать? Все должны быть равноправными гражданами, а у нас вздумали лишать голоса — толку от этого нет, и не будет»⁷. Среди кулачества отмечались многочисленные факты пораженческих настроений. Так, в с. Славинке Спасского района Владивостокского округа в разговоре с крестьянами зажиточный Давыденко говорил: «...наше государство не может и не станет защищаться, потому что народ Советской России настроен против правительства. Все крепости и все военное снаряжение за время гражданской войны разрушено и разбито, а посему никакой победы от Советской России ожидать нельзя»⁸.

В среде зажиточного крестьянства наряду со слухами о войне была сильна надежда на крушение советского режима и уверенность, что «как только будет мобилизация, то половина крестьянства восстанет против соввласти и перебьют всех коммунистов»⁹. Например, антисоветски настроенный зажиточный крестьянин Бородуля в с. Красноярове Свободненского района Амурского округа заявлял: «...если только завяжется война и мобилизуют крестьян, то мы в первую очередь сделаем войну внутренней и установим власть такую, чтобы было нам хорошо, и дадим власти имя приличное, но только не советское»¹⁰.

Таким образом, в среде зажиточного дальневосточного крестьянства были реваншистские настроения, которые серьезно угрожали стабильности развития региона, что, несомненно, беспокоило советские органы власти, особенно органы государственной безопасности.

Средняки имели серьезный удельный вес в крестьянской массе Дальнего Востока и были в основном лояльны по отношению к советской власти, но все же находились под влиянием кулачества.

Негативные настроения середняков, как и зажиточных крестьян, выражались в распространении всевозможных слухов о войне, скором падении советской власти и разговорах о нежелании идти на войну. Например, в с. Бургень Титовского района Читинского округа середняк Перфилов в окружении других крестьян высказывался: «Семенова ругали за насилие, а теперь Советская власть не насилует? За копейку под суд, ГПУ арестовывает, а раньше этого не было. На хорошую народную власть не пойдут иностранцы войной, а если и объявят войну, то за дело. Хотя война для нас горе, но без нее не обойтись»¹¹. Очень характерный для середняков факт пораженческого настроения отмечен в с. Гуране Амуро-Зейского района Амурского округа, где середняк Ананьин говорил: «Хотя коммунисты и хотят воевать, но из этого ничего не выйдет. Их ведь немного — они да рабочие. Крестьяне же воевать не пойдут. Какой интерес крестьянству воевать. Ведь нам все равно, какая бы власть не была»¹². Таким образом, в среде середняков тоже не было единства, не все поддерживали советский режим, многие не связывали свои интересы с политикой коммунистов в стране и в регионе в частности.

Беднота. Эта группа крестьян могла не опасаться мероприятий, проводимых советской властью, так как им нечего было терять. В этой среде отмечались лишь единичные случаи антисоветских настроений в основном крестьян, не пользовавшихся авторитетом («один пропойца, другой сын бандита»¹³), которые не имели влияния на односельчан. Таким образом, угроза власти со стороны бедняков исходила преимущественно от деклассированных элементов.

Стоит отметить, что большинство крестьянских выступлений наблюдалось на периферии, т.е. за пределами крупных административных центров и Транссиба. Периферийные протесты проходили в поселках старожилов, староверов, в районах компактного проживания малых народов. Наиболее яркие их проявления — восстания и забастовки — отмечались на фоне административного беспредела и информационного голода, который испытывали недовольные режимом. Настроения, как правило, возникали на основе разного рода слухов: о возможной войне (нападение Англии или Китая на СССР, вторжение Японии в дальневосточные пределы СССР, походы белогвардейских группировок к дальневосточным границам), вероятной поездке Папы Римского на Дальний Восток, скорой смерти руководителей СССР¹⁴.

Массовыми были негативные настроения среди переселенцев, приехавших на Дальний Восток из центральных районов России (в основном выходцев из деревень, т.е. крестьян, которые еще не вписались в социальную карту ДВК). Власти возлагали огромные надежды на вновь прибывших, но из-за массы допущенных просчетов (задержки с выплатой ссуд, неотлаженность в оказании медицинской помощи, экстремистские отношения старожилов и казаков к переселенцам и т.п.) возникала социальная напряженность. По оперативным данным «Информационного бюллетеня о ходе колонизации ДВК», подготовленного ПП ОГПУ ДВК в 1926 г.¹⁵, среди прибывшего населения формировались негативные настроения, доходившие до антисоветских. Такие случаи были зарегистрированы в с. Константиноградовке Ивановского района Амурского округа, где гражданин Демиденко, переселенец из центральной части России, в присутствии крестьян говорил: «Так или иначе, а все партийные организации изживутся. Во время проезда по Киевской, Харьковской, Самарской, Одесской или другой

деревне, я видел, что эти организации там прав имеют меньше, а больше прав имеют крестьяне. Право им дано было на 1 год, а они им пользуются уже 3 года. Многих партийцев там отдали под суд за растрату»¹⁶. Переселенцы в разговоре с местными крестьянами говорили: «...мы переселились в силу того, что в России всю землю забрали в свое владение коммунисты»¹⁷. Необходимо отметить, что некоторые переселенцы по многим причинам не могли оставаться на Дальнем Востоке и уезжали обратно¹⁸.

Таким образом, в крестьянской среде Дальнего Востока были сильны оппозиционные режиму настроения, что приводило к регулярным и серьезным выступлениям против власти. И, естественно, это негативно отражалось на безопасности и стабильности развития ДВК.

Специфическим было отношение к советскому режиму на Дальнем Востоке у городского населения — служащих, интеллигенции и др. Служащие советских учреждений, как и другие слои городского населения, постоянно предрекали войну с капиталистическими государствами, а в условиях обострения англо-советских и китайско-советских противоречий во второй половине 1920-х годов негативные настроения продолжали нарастать. При этом большинство совслужащих проявляли антисоветские и пораженческие настроения, мотивируемые неверием в военную мощь СССР.

Большинство выявленных оперативным путем фактов свидетельствует об отрицательных настроениях именно среди интеллигенции и служащих. Обращает на себя внимание уверенность служащих в том, что возможная война, несомненно, будет губельна для СССР, так как, по их мнению, военные и технические возможности Красной Армии крайне ничтожны. Кроме того, озлобленное завывшими налогами крестьянство не пойдет защищать советскую власть¹⁹.

Давало о себе знать неверие в силы СССР, которое переходило в паническое настроение. Согласно «Сводке...» для этого времени характерен разговор двух служащих Благовещенского центрального склада райсоюза Волкова и Ефимова: «Видишь, что Ворошилов сказал! Скоро война. Все из рук валится, не охота даже работать. Все равно всех побьют. Как только Англия тронется, сразу же у нас в тылу получится восстание». Соглашаясь с мнением Волкова, Ефимов, в свою очередь, заявил: «Да, народ недоволен на коммунистов... рабочие как-будто бы довольны, а послушаешь, что за глаза говорят, — все против коммунистов. В особенности недовольны крестьяне, шибко уж налогом обозлили. Крестьяне все пойдут против»²⁰.

В условиях постоянной напряженной международной обстановки многие из дальневосточных служащих надеялись на падение советской власти и использовали все сложности внутренней и международной ситуации для пораженческой антисоветской агитации.

Особую проблему для советской власти представляли негативные настроения дальневосточного учительства, наиболее образованной и близкой к населению части интеллигенции. По оперативным данным ПП ОГПУ ДВК, политическое настроение учительства в основном зависело от состояния их материального положения. Этим определялось отношение к участию в общественной работе, выполнению своих непосредственных обязанностей. Согласно «Краткому обзору о политическом состоянии учительства в ДВК», составленному ПП ОГПУ ДВК в 1927 г., материальное положение учительства повсеместно было крайне

неудовлетворительным²¹. Распространялась тенденция перехода учительства на более оплачиваемую работу. Но при этом отмечалось, что если их жалование довести до максимума, то это привело бы только к лучшему исполнению учительством своих обязанностей, ведь оно было представлено большей частью старыми кадрами, настроенными антисоветски.

Такая ситуация, грозившая подорвать основные принципы воспитания советской молодежи, беспокоила дальневосточные органы госбезопасности. Уже в начале 1930-х годов аппарат ПП ОГПУ ДВК обращал внимание Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайисполкома на «непродуманную» кадровую политику в подборе учителей. На эти «...должности назначаются все, подавшие заявления, независимо от их педагогической подготовки, политической физиономии и классовой принадлежности... Антисоветски настроенные учителя оказывают сопротивление мероприятиям сельсоветов, срывают помощь колхозам и т.п. Отмечен случай, когда учителя (б.[ывший] белый офицер и жены кулаков) комплектуют школу детьми кулаков и нэпманов, отсылая детей бедноты в другие школы. Эти случаи — не единичны»²².

Наиболее агрессивно относилось владивостокское учительство к советскому режиму (хотя в материальном плане обеспеченное лучше других). Многие из них (бывшие преподаватели гимназий, реальных училищ и т.п.) не хотели примириться с тем, что революция 1917 г. лишила их чинов и орденов²³. Именно они вынашивали радикальные антисоветские идеи.

Как уже отмечалось, население региона избежало политики «военного коммунизма», «красного террора» и т.п. Поэтому наиболее образованная его часть не могла смириться с карательной политикой советских властей и спецслужб, с жесткими общественными отношениями, которые устанавливали коммунисты для защиты советского государства и своего режима, надеясь на восстановление либеральных взаимоотношений между обществом и властью. Наиболее активное неприятие практически у всех служащих вызывали силовые методы правящего режима в отношении своих противников: многочисленные аресты «антисоветского элемента» и расстрелы шпионов. Так, служащий краевой конторы Госстраха в Хабаровске Сурба заявлял: «Такая постановка дела: свирепая диктатура партии, непонимание основных задач и психологии народа бесспорно ведут партию к падению и я это предчувствую и предвижу. Террор недопустим. Вычерпать море невозможно, как и погасить репрессиями начавшееся, быть может, движение. Партия этого не учитывает и она погибнет. Погибнет так же, как и монархия, ушедшая от народа. В городе ходят слухи, что производятся ночные аресты, что кругом города стоят войска и орудия, а публика напряжена и нервничает»²⁴. Подобное отношение к советскому режиму среди интеллигенции и служащих было преобладающим.

Еще более негативным отношением к советскому режиму и советским органам безопасности отличалось обывательское население и торговцы. В этой среде согласно «Сводке...» постоянные разговоры принимали крайне враждебные формы — «...беззастенчивая антисоветская агитация, антикоммунистические выпады, распространение фантастических слухов, пораженчество и т.д.»²⁵ При этом отмечались десятки случаев враждебной советскому режиму агитации, проводившейся обывателями. Так, житель г. Никольска-Уссурийского Бикин в разговоре со своими знакомыми заявлял: «Большевики скоро пропадут,

союзники с флотом и армией не сегодня, так завтра придут... большевиков повесят и потопят в бухте»²⁶.

Житель г. Сретенска Штейн в кругу своих знакомых высказывался: «Скоро соввласти будет конец. Иностранцы без войны просто предъявят общий ультиматум коммунистам уйти от власти и тогда восстановим демократическую республику»²⁷.

Следует отметить, что антисоветские настроения были распространены в основном среди торговцев. В 1927 г. в г. Сретенске рыночный комитет, возглавляемый домовладельцем-заводчиком Танхимовичем, решил под предлогом добиться введения экономических льгот для частной торговли созвать краевой съезд рыночных комитетов. Главной же его целью было объединенными силами обсудить политическую обстановку, сложившуюся в стране и регионе. Однако решение комитета торговцев власть не поддержала, и оно не было реализовано.

Дальневосточные обыватели, как и другие социальные категории населения, недовольные советской властью, крайне негативно относились к мерам ОГПУ по борьбе с контрреволюцией. Возмущение вызывали систематические обыски и аресты, проводимые органами безопасности. Так, хабаровский торговец Левин, выражая мнение практически всех представителей дальневосточной торговли, заявлял: «Жить нельзя! В одну ночь арестовали 70 человек, а за что? За каких-то сволочей, убитых в Ленинграде. Ведь сейчас судит не суд, а какая-то Коллегия ОГПУ. Где же это видано. Обождите, они себя покажут!»²⁸

Необходимо сказать еще об одном достаточно мощном противостоянии советскому режиму бывших членов социалистических партий, которые имели огромный вес в политической жизни Дальнего Востока до установления советской власти. Даже после утверждения советского режима бывшие представители политических партий снискали определенный авторитет среди разных слоев населения ДВК. Кроме того, в большинстве случаев именно через них устанавливалась связь антисоветских эмигрантских организаций за рубежом с недовольными правящим режимом в ДВК. Поэтому их настроения представляли особый интерес для советских спецслужб.

Согласно оперативным данным ОГПУ бывшие представители эсеровской и меньшевистской партий в большей своей части испытывали враждебное отношение к советской власти даже спустя многие годы после ее установления. «Насмешливый скептицизм и нездоровая критика политики Соввласти, утверждения, что осложнения международного положения СССР являются следствием этой политики, уверенность в скорой гибели власти и партии (коммунистической. — В.И.) — все это является основными моментами в настроении членов антисов.[етских] партий»²⁹.

Рассуждения по политическим вопросам в данной группе отличались аналитическими выводами, основанными на революционном опыте и знании исторических законов развития общества.

В условиях международной напряженности во второй половине 1920-х годов юрисконсульт Забайкальского ТПО (г. Чита), бывший меньшевик Рубинштейн полагал, «что события идут именно так, как им полагается, что в близорукости и топорности политики большевиков он не сомневается и только жалеет, что сам военнообязанный, хотя и надеется освободиться»³⁰. Беседуя со своими знакомыми на политические темы, он говорил: «Результаты войны предвидеть пока трудно, но не приходится сомневаться, что успеха для нас ожидать невозможно,

так как все соц.[иалистические] партии Европы против коммунистов, влияние которых, тем более грызущихся между собой (Маслов, Рут Фишер), совершенно ничтожно»³¹. Не сомневался в свержении советской власти и бывший хабаровский эсер Пименов, заявлявший: «Погодите. Еще увидим чья возьмет»³².

Итак, несмотря на формальную ликвидацию всех партийных институтов, кроме ВКП(б) с ее всеохватывающим влиянием, на Дальнем Востоке сохранялась скрытая идейная оппозиция со стороны бывших членов социалистических партий, а существенной внутренней угрозой безопасности советского режима на Дальнем Востоке являлись постоянные негативные настроения, направленные против власти коммунистов и проводимой ими политики. К тому же все это осложнялось объективными трудностями развития региона на данном этапе. Поэтому в условиях становления и развития советского режима в ДВК коммунистам был необходим мощный аппарат государственной безопасности, который обеспечил бы полноту их власти. Такой опорой для советского режима на Дальнем Востоке и стало ПП ОГПУ по ДВК.

¹ Можно отметить, что Народно-революционная армия под командованием В.К. Блюхера была создана на основе многочисленных партизанских отрядов, существовавших на Дальнем Востоке в начале 1920-х годов.

² ГАХК. Ф.П-2, оп. 1, д. 65, л. 265.

³ Там же. Л. 222—247.

⁴ Там же. Л. 227.

⁵ Там же. Ф.П-2, оп. 1, д. 243, л. 101—105, 108, 118, 127—128.

⁶ Плеханов А.М. Проблемы места и роли органов госбезопасности в социально-политической структуре советского общества в 1920-е годы // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в 1920—1930-е гг. / <http://www.fsb.ru/history/read.html>.

⁷ ГАХК. Ф.П-2, оп. 1, д. 65, л. 229.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 233.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 236.

¹⁴ Титов В.Ю. Протест в общественно-политической жизни Дальнего Востока (середина 1920-х — середина 1930-х гг.) <http://mion.isu.ru/pub.russ-ost/articles/17.html>.

¹⁵ ГАХК. Ф. 137, оп. 10, д. 4.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАХК. Ф.П-2, оп. 1, д. 65, л. 239.

²⁰ Там же. Л. 240.

²¹ Там же. Л. 182.

²² Там же. Д. 243, л. 125.

²³ Там же. Д. 65, л. 188.

²⁴ Там же. Л. 242.

²⁵ Там же. Л. 243.

²⁶ Там же. Л. 244.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 245.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 247.

³¹ Там же.

³² Там же.

SUMMARY: The author reveals the anti-soviet spirits (based on operative data of OGPU DVK) in his article.